

НОВЫЙ герой Евгения Евстигнеева — веселый человек, но веселость эта несколько особого свойства. Он не потому весел, что душа у него парашку, что радуют его солнце и ветер, хорошее здоровье и хорошие люди вокруг. Все это, конечно, ему не мешает, но не в этом же главное! Николай Степанович Куропеев

ним — идеями — он гордится особенно, потому что понимает — это есть не у всякого, это обязательно заметят. И заменяют. И дают человеку широкий простор, широкое поле деятельности. Спектакль как раз и начинается с того, что Куропеев сдает старые дела и предвкушает новые.

Замечательно выходит у Евстигнее-

особенно призывно звучит энергичная музыка, особенно резво стрекочут арифмометры и по-особенному звонкие телефоны перекрывают весь этот шум. Все звучит в унисон нашему герою, в унисон его настроению. И только само это настроение не то чтобы начинает литься, но просто обрастает множеством оттенков, из которых едва ли не главный — неуверенность. Тщательно срываема от окружающих, еще более тщательно — от самого себя, но тем не менее благодаря автору, театру, актеру явственно видна нам, зрителям.

И тут, пожалуй, пора сказать, что «Назначение» — комедия. Комедия с преувеличениями в характерах и ситуациях, с иронией — злой в адрес одних персонажей и доброй в случаях с другими; с лирикой, нежностью и едва ли не обязательной в русских комедиях грустной, драматической нотой. Однако это последнее к Куропееву никак не относится. Ни Володин, ни Евстигнеев, ни постановщик спектакля Олег Ефремов ему несколько не сочувствуют, хотя и дают возможность психологически мотивировать, обосновать и даже объяснить свои поступки. И Евстигнеев при полной поддержке театра это с великой серьезностью и убежденностью делает.

Вы думаете, Николая Степановича по-настоящему смущает или тревожит то, что все дельные, умные мысли, которые он (представляем, с какой горячей убежденностью) высказывает перед начальством, принадлежат не ему, а его подчиненному Лямину? Нисколько! И не потому что он так глуп или подл, что не видит, не понимает всей непорядочности своего поступка. Видит и понимает и потому заискивает перед Ляминим. Фамильярничает с ним, навязывается в приятели. Но это скорее уступки общепринятому, мелкие утрусения совести. В высшем смысле Куропеев

ев себя безоговорочно оправдывает. Он деловой человек, он нioxом чувствует, что надо, и потому Лямин просто обязан писать за него статьи, составлять докладные и готовить материалы для совещаний.

Точно найденное внутреннее состояние героя позволяет актеру быть чрезвычайно разнообразным и свободным в поведении. И неожиданным. Нельзя удержаться от смеха, вида, а какой свирепостью Куропеев насаждает на Лямина, требуя от него «соображений» по поводу предстоящего ему, Куропееву, выступления. И нельзя не отдать должное той великолепно сдержанной искренности, с которой наш герой в нужный для себя момент объясняется тому же Лямину в любви и дружеских чувствах, связывая его тем самым по рукам и ногам...

Нет, кем-кем, а глупым Николая Степановича не назовешь. Какой он глупый? Хитрый, дальновидный, практичный — вот он какой.

Е. Евстигнеев на глупости и не настаивает. Наделяет Куропеева сполна и неспроста «житейской мудростью». Наставляет же он на другом — на слабости героя, на его безотчетной и непреодолимой слабости. Так и представляешь: проснется он ночью в холодном поту и жалобно спросит: «Господи, куда же это я забрался? Что будет, как узнают, на что я способен на самом-то деле?» И вправду — что будет? В общем-то, ничего. Станет себе Куропеев Николай Степанович обыкновенным советским служащим, каких тысячи и какие живут себе счастливо. Но именно это его и не устраивает, именно этого он и боится пуще огня, и потому сумасшедшая тревога то и дело проскальзывает в его глазах. И никто, кажется, не удивится, если он вдруг выкинет такое: то ли покается, то ли начнет утверждать себя в глазах подчиненных.

И тут снова хочется напомнить, что пьеса написана в комедийном жанре, а спектакль в комедийном жанре решен. Это не снижает серьезности конфликта — Куропеев и наши дни, Куропеев и Лямин, но просто переводит его в другой план. Все решается неожиданным и, если хотите, рифмичным образом. На сцене появляется Муровеев, которого тоже играет Е. Евстигнеев. Это не причуда теат-

ра. У автора так и написано: роль исполняет тот же актер. Почему? Зачем это понадобилось? Тут несколько причин, и они будут понятны, если сказать два слова о развитии фабулы.

После того как Куропеева перевели, место его занял Лямин. Это было прекрасно — для дела, для окружающих, но мучительно ответственно для самого Лямина. Как руководить людьми? Как сделать так, чтобы люди ценили друг друга, ценили свое дело, видели и радовались красоте жизни? И Лямин, которого удивительно радостно, талантливо играет Олег Ефремов, начинает потихоньку-полегоньку налаживать эту сложнейшую машину. Но вдруг — бац! Чего-то не доглядел, срыв, волнения, и он решает — уйду, не гожусь! Вот тут-то и появляется Муровеев, назначенный на место Лямина.

Актер почти ничего не меняет в своем внешнем облике, но перед нами чужой и в то же время удивительно знакомый человек. Как это удается Евстигнееву — трудно сказать. Вот если бы он стремился к острой характерности, подчеркивал и выделял те общие черты, которые роднят двух его персонажей — все было бы ясно. Но тут-то этого явно нет. Все делается словно бы невзначай, словно бы просто так, как получится, — а результат удивительно точен. Наивный и даже трогательный в своей глупой откровенности, Муровеев настораживает Лямина куда больше, чем ухватистый, циничный его предшественник. Это, разумеется, потому, что и сам Лямин в чем-то изменился. И вряд ли будет теперь сочинять другим доклады — сам прекрасно выскажет то, что на пользу делу, но не только поэтому. По-комедийному неожиданно высказанная мысль автора таит отнюдь не комический заряд. Она и обнаруживает смехом таких людей, как герои Е. Евстигнеева, и требует узнавать их, ни за что с ними не мириться.

В «Назначении» нет плохо сыгранных ролей. Не только потому, что театр и его актеры профессионально выросли — это производно. Главное же в том, что к театру пришла настоящая взрослость.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.
Фото В. Быстрова.

АКТЕРЫ, 1963-й КУРОПЕЕВЫ НАЗНАЧЕНИЯ

сладодушен, снисходителен, мил того, что получил повышение по службе. Раньше он планировал, предположим, в районном масштабе, а теперь — в областном. Мы говорим «предположим», потому что А. Володин, автор пьесы «Назначение», поставленной театром «Современник», точно место службы своих героев не обозначает.

Не будем ханжиться — повышение как признание заслуг, умения, старания, наконец, всегда приятно. И для Куропеева важно, тоже именно это — что отметили его деятельность, его умение, его смеялые умные, идиосинксии и своевременные идеи. Послед-

ва это предвкушение радости, предвкушение будущих триумфов. Оно выполняет его и рвется наружу. Не то чтобы он суетился в этот день или мельтешил, или уж совсем забьлся перед подчиненными. Вовсе нет. Он особенно элегантен, особенно бодр, точен, ловок. Все ему удается, все у него получается — и шутка, и дела, и наставления. И мы им любимся, он нам нравится, мы его понимаем: действительно, повышение, тут уж ничего не скажешь!

И не только мы радуемся — сослуживцы тоже. Приводящее, едва ли не ликующее настроение царит в том учреждении, откуда уходит Куропеев.